

Глава 33. Успех

Два дня спустя, стоило небу на востоке едва окраситься первыми лучами рассвета, как старина Ли уже поднял Сяосяо на ноги.

Пока отец тащил его в огород на заднем дворе, Сяосяо всю дорогу брёл словно в тумане, балансируя на грани сна и яви.

И то сказать: если не считать той бессонной ночи полмесяца назад, и прежний бестолковый Сяосяо, и нынешний засыпали стоило голове коснуться подушки. Спал он всегда без задних ног — сладко и крепко. А раз сон крепкий, то и подняться в такую рань, не выспавшись как следует, было выше его сил.

Вот и сейчас Сяосяо плёлся, заспанный, то и дело зевая во весь рот, так что на глазах даже выступили слёзы.

А что поделаешь? Его подняли чуть ли не на пару часов раньше обычного.

Вообще-то с тех пор, как он взялся за курятник, Сяосяо давно позабыл привычку валяться в постели до полудня. Но одно дело — заставить себя подняться к семи-восемью утра, и совсем другое — вкалывать до зари. Это уж увольте!

Ему ведь всего шестнадцать, суший ребёнок! Как расти-то, если не выспаться? Пускай по своей природе Сяосяо и родился гэером, это вовсе не значит, что у него нет надежды вытянуться ростом с приличного мужика.

В других семьях к гэерам относились как к пустому месту: держали впроголодь, спать не давали, загоняли работой от рассвета до заката. Но Сяосяо-то повезло — во всей Деревне Большого Ковша не сыскать было баловня любимее. Тяжелого труда он отродясь не знал, а кормили его посытнее иных молодых парней.

С такой-то хорошей породой, если как следует выспаться да сытно есть, он просто обязан пойти в рост!

Судите сами: в семье Ли разве что сам старик-отец да его старшие сыновья из-за голодного детства и надрывной работы выросли приземистыми. А вот племянники из третьего поколения и даже девятилетний внучатый племянник Дабао среди сверстников в деревне выглядели настоящими верзилами.

Глядя на них, Сяосяо, конечно, не мечтал о богатырском росте под два метра, но надеялся оказаться хоть чуточку выше отца и братьев. Лишь бы перешагнуть этот проклятый порог в метр шестьдесят — уж тогда он точно будет счастлив.

Уткнувшись лбом в изгородь огорода, Сяосяо дремал с полуприкрытыми глазами, совершенно не понимая, с чего его старик так взбудоражен.

Отец метался вокруг, запыхавшийся и взволнованный, точь-в-точь как неугомонный гончий пёс. Его шумное сопение и суетливая беготня туда-сюда вывели бы из сонного оцепенения даже мёртвого, так что Сяосяо волей-неволей заразился этой радостью.

— Батя, ну рань же несусветная, солнце едва взошло... — парень клюнул носом, отчего резко вздрогнул, окончательно просыпаясь, и с трудом разлепил веки. — Зачем мы сюда пришли?

Они топтались здесь уже добрую четверть часа, а отец всё кружил по огороду, задыхаясь от восторга, и не произносил ни слова. Не зря же он притащил его в такую рань!

«Сейчас быстро разберусь, чего ему надобно, — лениво подумал Сяосяо, — и обратно под одеяло».

— Хе-хе... — старик Ли замер на месте, повернулся к привалившемуся к забору сыну и расплылся в глупейшей, счастливой улыбке.

Господи, до чего же он был счастлив! Великие боги, этот чудной способ приготовления перегноя, про который толковал Сяо Ци, и впрямь сработал!

От избытка чувств старик снова принялся нарезать круги, потирая мозолистые ладони. Он заговорил, мелко подрагивая губами:

— Сяо Ци, я же привёл тебя посмотреть! Сам взгляни! Восемнадцать дней! Я еле вытерпел эти восемнадцать дней! Вчера я, конечно, тоже заглядывал, но сегодня-то как раз срок подошёл, о котором ты говорил... Сынок, у меня аж сердце заходится! Твой метод компостирования — это чудо какое-то, всё получилось! Да я ещё пару дней назад заметил, что солома с навозом перепрели почти полностью. Но ты же велел ждать ровно восемнадцать дней, вот я и терпел из последних сил! Зато сегодня сразу тебя притащил. Погляди только, какой чёрный, жирный перегной вышел! Сразу видать — сила в нём сокрыта великая. Я... я так рад, сынок! С этим новым методом нам больше не придётся за каждую кучку навоза дрожать. Теперь земляца голодной не останется! Наконец-то я не подведу ни тебя, ни управляющего Ли...

Старик положил тяжёлую руку на плечо сына. Он мелко вздрагивал, а в его глазах блеснули непрошенные слёзы.

И то правда: теперь он больше не будет чувствовать себя бесполезной обузой, дряхлым стариком, зря проедающим хлеб. Прав был матушка Ши-ши — их младшенький принёс в дом истинное благословение.

— Отец... — Сяосяо мягко улыбнулся.

До него наконец дошло, что сегодня подошёл к концу срок того самого 18-дневного метода компостирования.

Глядя на растроганного до слёз отца, парень почувствовал, как к горлу подкатил комок. Он и не подозревал, насколько тяжело старик переживал нехватку удобрений для хозяйства.

Сяосяо ласково похлопал отца по руке, искренне радуясь его успеху:

— Раз уж всё готово, давай-ка я помогу тебе подкормить посадки!

В постель вернуться всё равно уже не светило, так почему бы не размяться на свежем воздухе? Отец так сиял, что портить ему праздник было бы сущим свинством.

К тому же, помогая отцу удобрять корни свиной травы, он сможет на практике поучиться, как правильно подкармливать черемшу в деревянных ящиках. Ради будущего сытного пропитания своих пернатых сотрудников, А-Фэя и А-Мэй, Сяосяо не имел права облажаться. А то загубит по незнанию всю зелень — курам на смех.

Когда они с отцом наконец закончили кропотливо, куст за кустом, удобрять корни свиной травы, солнце уже поднялось высоко. Сяосяо освободился как раз к своему обычному часу завтрака.

Вспомнив, что его вытащили на огород прямо из тёплой постели, парень поспешил в свою комнату, схватил принадлежности для умывания и побежал к бочке с водой.

Пока умылся да наскоро перекусил, время ушло. В курятник он появился чуть ли не на час позже обычного.

Привычно прибравшись и насыпав зерна своим пернатым подопечным, он заглянул в обустроенные для кладки гнёзда — и так и замер. В соломе лежало яйцо!

Крупное, гладкое яйцо уютно устроилось в сухой траве. Сяосяо просиял от восторга.

— Омитофо! Слава всем богам, А-Мэй наконец-то разродилась!

Очень вовремя она одумалась. Ещё бы немного, и Сяосяо не удержался бы от греха — пустил бы ленивую несущку на суп.

Хороша барышня: упитанная, гладкая, да только проку с этого, если яиц не дождёшься! Время-

то поджигает. Если бы она и дальше упрячилась, он бы ни за что не успел вывести и выходить новое поколение цыплят до свадьбы.

Посчитаем: пока соберёшь достаточно яиц для высиживания, пока она на них сядет — на всё про всё уйдёт не меньше полутора месяцев.

Сейчас конец апреля. Коли обойдётся без приключений, выводок от А-Фэя и А-Мэй появится на свет лишь к концу июня.

А день свадьбы назначен на зимнее солнцестояние — то есть на середину одиннадцатого месяца.

Чтобы понять, быстро ли растут цыплята и удался ли эксперимент, их нужно выхаживать хотя бы месяца три-четыре. А ведь придётся ещё тратить время на предсвадебные хлопоты с матушкой Ши-ши. Так что на наблюдения за выводком у него оставалось от силы три с небольшим месяца.

В его прошлой жизни бройлеров на птицефабриках кормили особыми смесями, и за четыре месяца они вырастали до убойного веса. Само собой, те скороспелые породы выводились десятилетиями, и Сяосяо, будучи полным дилетантом в селекции, на такие чудеса не зарился.

Ему бы хватило, чтобы его новые цыплята месяца за четыре хотя бы обросли плотным взрослым пером да набрали приличный вес — это уже стало бы огромной победой.

Если его подопечные будут расти заметно шустрее обычных деревенских кур, у него появится весомый козырь в рукаве. В конце концов, выведение новой высокопродуктивной породы — это ценнейшее ремесло, которое и кормить семью сможет долгие годы.

Предъявив такие результаты, он сможет уговорить родителей перетолковать с семьёй Цзюнь и немного отложить свадьбу. Тогда все его полугодовые труды окажутся не напрасными.

Что греха таить, надежду на полный разрыв помолвки с Цзюнь Даланом он давно оставил. Но выкроить немного времени, чтобы им обоим исполнилось хотя бы по семнадцать лет, попробовать стоило.

Всё-таки вступить в брак в шестнадцать лет — это за гранью его понимания. В семнадцать он чувствовал бы себя куда увереннее, да и глупой вины перед самим собой было бы поменьше.

Эх, эта проклятая цифра шестнадцать просто не укладывалась у него в голове.